

Как Лавровская деревня
Начинает богатеть:
Окна тряпкам затыкает,
Чтоб вороне не влететь.

Надоели нам колхозы,
Надоели нам быки,
А еще нам надоели,
Ох, лепешки без муки!

Вот спасибо Сталину —
Сделал меня барыней:
Я и лошадь, я и бык,
Я и баба, и мужик.

Колхозница я,
Четыре имя у меня:
Я и лошадь, я и бык,
Я и баба, и мужик.

Милый любит модницу,
Ну, а я не модница.
Ему учительницу надо,
Ну, а я — колхозница.

Мой миленок комсомолец,
Да и я партийная.
Оттого у нас любовь
Такая канительная.

У кого какой милый,
У меня — мастеровой:
По Москве телегу возит
С газированной водой.

Не стражайте нас Сибирью,
Сибирь — наша сторона.
Все равно полфунта хлеба,
Только воля не своя.

Нынче мода-то такая,
С этой модой пропадешь:
Если девка без пол-литра,
То и парня не найдешь.

Если хошь знакомиться,
Приходи в столовую,
Приноси буханку хлеба
Самую здоровую!

Если хошь знакомиться,
Приходи на бугорок,
Приноси буханку хлеба
И картошки котелок.

Ребята с армии приходят
И на девок не глядят.
Им бы вдовушку с коровушкой
И парочку ребят.

Уж как нынешни ребята
Знают, с кем знакомиться:
У кого картошки много
И корова доится.

Когда Сталин умирал,
Хрущеву наказывал:
— Чтобы хлеба не давал,
Масла не показывал!

Пойдем, милка, погуляем,
На дворе така жара.
Пусть картошку убирают
Из Москвы профессора.

Вставай, Ленин, вставай, милый,
Разгони колхоз ленивый!
Ленин встал, взмахнул рукам:
— Что ж мне поделат с дуракам?!

лее, что на его родине есть
необходимые условия для
свободного развития искус-
ства. Воспоминания, отрывок
из которых помещен ниже,
были выпущены в Нью-Йорке
в 1966 году. Это — «Дневник
моих встреч»: словесные и
художественные портреты
многих больших русских

писателей — Н. Гумилева,
Е. Замятина, М. Горького,
В. Маяковского, В. Пильня-
ка, В. Хлебникова, И. Бабеля,
Г. Иванова. Есть здесь и порт-
рет Анны Ахматовой, на-
чатый еще в 1911 году, до
первой поездки художника в
Париж. Ахматову рисовали
многие — Н. Альтман, А. Мо-

дильяни, О. Делла-Вас-Кар-
довская... Но анненковскую
руку ни с чьей не спутаешь.
Взгляните на его портрет. Он
заставляет думать и о худож-
нике и о его модели. О сто-
летиях одного и другого.
Вклад их в наше искусство
велик, как бы по-разному ни
сложилась судьба каждого.

Юрий АННЕНКОВ ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

5 июня 1965 года на
мою долю выпал счаст-
ливый случай присутство-
вать, в амфитеатре Окс-
фордского университета,
на торжественной церемо-
нии присуждения Анне
Ахматовой звания доктора
Honoris Causa¹. Кроме
Ахматовой, таким же дип-
ломом были одновременно
награждены английский
поэт Сигфрид Бассин, ан-
глийский прозаик Жофрей
Кейнс и итальянский про-
фессор, флорентиец Жи-
анфранко Контини, спе-
циалист по Данте.

Трудно сказать, кого
больше было среди пере-
полненной публики: лю-
дей зрелого возраста или
молодежи, в большинст-
ве, вероятно, студенчес-
кой.

Появление Ахматовой,
облаченной в классичес-
кую «докторскую тогу»,
вызвало единодушные ап-
лодисменты, превратив-
шиеся в подлинную ова-
цию после официального
доклада о заслугах рус-
ской поэтессы.

Часа через два после
этого события в моей от-
дельной комнате раздался
телефонный звонок: гово-
рил по-русски женский
голос от имени Ахмато-
вой. Узнав, что я нахо-
жусь в Оксфорде, Ахма-
това просила меня воз-
можно скорей приехать к
ней. Я не замедлил ис-
полнить ее желание.

— Страшно подумать:
почти полных полвека! —
сказала Ахматова, про-
тянув мне свою руку.

¹ В силу своих заслуг,
то есть без защиты диссертаци-
ции.

Наша беседа длилась
более двух часов. Воспо-
минания, вопросы, разго-
вор обо всем. Ахматова
сказала мне, что она по-
лучала все мои письма и
что советские туристы,
бывавшие в Париже и ви-
девшие меня, всегда пе-
редавали ей мои приветы.
Меня чрезвычайно обрадо-
вало и тронуло, что Ахма-
това вспомнила даже о
том, как в 1911 году по-
зирвала мне в моей квар-
тире, сказав, что это про-
исходило в яркий, солнеч-
ный июньский день и что
она была одета в очень
красивое синее шелковое
платье.

Но еще более меня тро-
нуло нечто совершенно не-
ожиданное: Ахматова при-
везла с собой в Оксфорд
и подарила мне одну
фотографию, относящуюся
к первым дням войны
1914 года. В один из этих
дней, зная, что по Нев-
скому проспекту будут ид-
ти мобилизованные,
К. Чуковский и я решили
пойти на эту улицу. Там,
совершенно случайно,
встретился и присоеди-
нился к нам Осип Ман-
дельштам, о котором Ах-
матова написала замеча-
тельную статью в журнале
нью-йоркском «Воздуш-
ные пути» (№ 4, 1965).
Когда стали проходить мо-
билизованные, еще не в во-
енной форме, с тюками на
плечах, то вдруг из их ря-

дов вышел, тоже с тюком,
и подбежал к нам по-
эт Бенедикт Лившиц. Мы
обнимали его, жали ему
руки, когда к нам подошел
незнакомый фотограф и
попросил разрешение
снять нас. Мы взяли друг
друга под руки и были так
сфотографированы...

Ахматова приехала в
Оксфорд в сопровождении
очень симпатичной моло-
денькой Ани Каминской,
внучки Николая Пунина,
известного русского ис-
кусствоведа, теоретика и
защитника авангардных
форм художественных ис-
каний в первые годы ре-
волюции, с которым я был
в товарищеских отноше-
ниях. Второй спутницей
была американская сту-
дентка, проживающая в
Англии, Аманда Чейс
Айгт, изучающая русский
язык и уже неплохо гово-
рящая на нем. Теперь она
готовит книгу о поэзии
Ахматовой.

Я виделся с Ахматовой
в Оксфорде три раза. Са-
мо собой разумеется, наши
разговоры сводились,
главным образом, к вза-
имным вопросам о лите-
ратуре, изобразительном
искусстве, о музыке, о
театре — в СССР и за ру-
бежом, а также о наших
общих друзьях, живущих
там и живущих здесь.

Мы расстались очень
дружески, и я вернулся в
Париж 8 июня. Но 17 ию-
ня, неожиданно, Анна Ах-
матова тоже приехала в
Париж, где пробыла четы-
ре дня. По случайному
совпадению она посели-
лась в отеле «Наполеон»,
на авеню Фриедланд, око-
ло площади Этуаль, оте-

Мини-мемуары

Юрий Павлович Анненков
(1889—1974) — известный
русский художник, книжный
иллюстратор и портретист,
работавший также в области
театра и кино. Классически-
ми стали его иллюстрации
к поэме А. Блока «Двенад-
цать»; он был автором бута-
фории и рисунков к костю-
мам в спектаклях таких ре-
жиссеров, как К. Станислав-
ский, Вс. Мейерхольд, Ф. Ко-
миссаржевский. Работа Ан-
ненкова в искусстве, начиная
с десятих годов, продолжа-

лась свыше шести десятиле-
тий. За эти годы судьба по-
дарила ему встречи со многи-
ми замечательными людьми,
да и сам он был весьма круп-
ной фигурой. Выпускник
юридического факультета Пе-
тербургского университета,
учившийся затем в художест-
венной школе Штиглица, Ан-
ненков еще перед первой ми-
ровой войной продолжал свое
художественное образование
в Париже. После возвраще-
ния (1913) он плодотворно
работает на родине. Худож-

ник приветствует револю-
цию, участвует в оформлении
зрелищ под открытым небом,
таких как «Гимн освобож-
денному труду», «Взятие
Зимнего Дворца». В 1920-м
избирается профессором пе-
тербургской Академии худо-
жеств...

Однако спустя четыре года
жизнь его круто меняется:
во время одной из поездок
за границу он остается там,
поселившись в Париже. Как
видно по воспоминаниям ху-
дожника, он не считал бо-

ле, управляемом Иваном Сергеевичем Маковским, сыном Сергея Константиновича Маковского, поэта и основателя знаменитого художественно-литературного журнала «Аполлон», где были напечатаны ранние стихотворения Ахматовой... Иван Маковский, узнав, что в его отеле остановилась Ахматова, послал в ее комнату огромный букет цветов.

Встретившись в этом отеле, мы заговорили о наших далеких парижских воспоминаниях, о балетах Дягилева и, конечно, о художнике Амедео Модильяни, сделавшем с Ахматовой несколько портретных набросков в 1911 году, и о котором она тоже интересно рассказала в журнале «Воздушные пути». Затем — о монпарнассских кофейнях, о ночных кабаках Монмартра и Латинского квартала, но вскоре, незаметно, оказались на Михайловской площади в Петербурге, в «Бродячей собаке» Пронина. Там Ахматова поведала мне, что название питерской улицы, на которой я жил и где Ахматова мне позировала — Кирочная улица, — было, в месяцы осады Петербурга гитлеровской армией, заменено другим именем, потому что слово «Кирочная» происходит от немецкого слова Kirche (церковь). На этой улице действительно находилась немецкая церковь, при немецкой школе...

Ю. Анненков.
Портрет Ахматовой

Я пригласил Ахматову приехать ко мне к обеду на следующий день с Аней Каминской и с американской студенткой. Ахматова сразу же согласилась, и суббота 19 июня останется для меня одним из незабываемых дней. В рабочем кабинете и в библиотеке, на стенах мои портреты Бориса Пильняка, Исаака Бабеля, Сергея Эйзенштейна, Всеволода Пудовкина, Казимира Малевича, Алексея Толстого, Никиты Балиева, Леонида Андреева (1911), Валентина Инкижинова, а также — гуашный портрет Ахматовой, знакомый ей лишь по фотографиям, так как он был закончен мною уже в Париже.

— Мне кажется, что я вернулась в мою молодость, — прошептала Ахматова, оглядываясь на эти рисунки.

— Мне тоже, потому что вы здесь, — ответил я...

21 июня, в 11 часов утра, Ахматова и Каминская уезжали в Москву с Северного вокзала. Я приехал туда проводить их, Аня и Аманда сидели на перроне, что-то записывая друг другу. Я встретил там же художника Дмитрия Бушона, Сергея Эрнста и приехавшую из Америки Нину Берберову, с которой я не виделся уже многие годы.

Анна Ахматова была уже в купе спального вагона Париж — Москва. Она сказала мне, что утром, вследствие усталости и сильных душевных волнений, у нее начались боли в груди и что ей пришлось принять специальные пилюли, но что теперь все уладилось, и она чувствует себя хорошо. Я спросил, какое у нее осталось впечатление от этого почти трехнедельного пребывания за границей. Ахматова сказала, что она никак не ожидала такого радужного, такого теплого приема со стороны всех, кого она встретила и с кем ей удалось беседовать, и что она никогда не забудет этого путешествия. Мы трижды поцеловались.

Когда поезд тронулся, Ахматова и Аня, стоя у открытого окна вагона, очень ласково махали нам руками до тех пор, пока вагон не скрылся.

Вступительная статья
и публикация
А. РУБАШКИНА

изусть «Четки», «Белую стаю», зачитала чуть не до дыр предвоенный сборник «Из шести книг». Представляла я ее по рисунку тушью Юрия Анненкова, который запомнила, листая страницы «Литературной энциклопедии». Но жила она так давно, в другом мире, теперь, верно, старуха дряхлая. И вдруг на авансцену вышла мо-

лодая Ахматова с челкой и четками (это было ожерелье, но для меня — четки), в черном атласном платье, стройная, величавая, с нежным бледным лицом и разве что чуть тронутыми сединой волосами. Очень сдержанно, как бы воздвигая барьер между собой и залом, прочитала она два стихотворения. Кажется, это были «Клятва» и «Первый дальнбойный в Ленинграде».

Окончился вечер. Я увидела ее в вестибюле, какой-то одинокой среди людей, с замкнутым и несколько горделивым выражением лица. Живая Анна Ахматова, оттуда, из стихов, как во сне... Я всех растолкала, протиснулась к ней и незаметно дотронулась до ее черного платья. Сквозь толпу пробивался вполне бесцветный белобрысый молодой человек с ее пальто; она позволила себя одеть, небрежно кивнув ему и что-то сказав сквозь зубы. Меня резануло полное несоответствие дешевого «москвошвейского», из какой-то светлой дерюжки пальтишка до колен — атласному длинному платью, всему «ахматовскому» облику.

Прошло время, Ахматова болела. Я слышала рассказ о том, как она, больная, лежит в комнатухе с запечатанной розеткой (пользоваться электроплиткой запрещалось); это был тиф, и, кажется, она попала в больницу. Помню рассказ о том, как Алексей Толстой хлопотал о ней в каких-то местных высоких инстанциях, говорил, что Ахматова не умеет о себе позаботиться и никогда за себя не просит. Ответ был: «Зато за нее много просят другие».

Несколько раз я встречала Ахматову на улицах. Помню ее, бредущую с какой-то сумкой по длинной пустынной улице, в ташкентскую жару. Показалась она мне тогда сильно постаревшей.

Жила она трудно. И все-таки я слышала о том, что она подкармливала Мура Эфрона, осиротевшего сына Марины Цветаевой, слышала воркотню писателя-юмориста Александра Раскина, мужа писательницы и журналистки Фриды Вигдоровой: «Зачем рвешь платья Анны Андреевны? Тебе дай хитон Пушкина, ты его тоже на пеленки употребишь». Речь шла о старых платьях, подаренных Ахматовой на пеленки для их новорожденной дочки Саши. При ташкентской бедности тех лет — подарок ценный.

Прошло года полтора с того запомнившегося мне вечера, и однажды летом 1943 года мой дорогой старший друг Фрида Вигдорова сказала мне: «Хотите, Кена, зайдем со мною к Анне Андреевне?». Я, конечно, захотела.

Ахматова жила на улице Жуковского в так называемом лауреатском дворе. Там жили писатели и их семьи, Луговской, Елена Сергеевна Булгакова и некоторые другие. Двор был четырехугольным, огороженным невысокими строениями с довольно низким первым этажом. Вход в квартиру Ахматовой — против ворот. Мы поднялись по наружной лестнице, ведущей на второй этаж. У входа столкнулись со стройным седым господином (хочется назвать его именно так). Ахматова провожала его до порога, дружески о чем-то разговаривая. Это был Георгий Шенгели, известный переводчик и теоретик стиха, о котором я знала только из уничижительных отзывов Маяковского.

Анна Андреевна встретила нас очень приветливо, у нее было совсем другое, открытое лицо. Чувствовалось, что она относилась к Фриде с любовью. Вигдоровой, приехавшей в Ташкент вторым коррес-

пондентом «Правды», удалось напечатать в своей газете на первой полосе стихотворение Ахматовой «Мужество». Впервые на всю страну в трудные дни начала 1942 года прозвучал голос Ахматовой:

Мы знаем, что ныне лежит на
весах
И что совершается ныне,
Час мужества пробил на
наших часах,
И мужество нас не покинет.

Дружба Ахматовой с Вигдоровой продолжалась до последних дней жизни Фриды. Никогда не забуду моего свидания с Фридой незадолго до ее смерти. Я приехала из Ленинграда в Москву, и меня пустили к ней совсем ненадолго, когда ей стало немного легче. Но она удерживала меня, не отпускала. «Молитесь за меня, Кена...». И вдруг: «Перед вами была Анна Андреевна, забрала замечательные стихи молодых поэтов, жаль, не могу их дать...». Ахматовой тоже оставалось жить недолго, в следующем году, 5 марта 1966-го умерла и она. Но еще успела подарить только что вышедший «Бег времени» А. А. Раскиной с надписью, которую я счастлива, с ее разрешения, впервые опубликовать: «Пусть эта книга будет хотя бы слабым и несовершенным напоминанием о Той, кому я когда-то обещала ее подарить, о Той, кто была Вашей матерью и единственным высочайшим примером доброты, благородства, человечности для всех нас. Анна Ахматова. 11 января 1966, Москва».

А тогда, в Ташкенте, она дала Вигдоровой стихи молодой поэтессы Ксении Некрасовой, много одобри- тельного сказав о ней. Поговорили и о романе «Мастер и Маргарита», который Елена Сергеевна Булгакова тогда, в Ташкенте, давала читать избранным друзьям (удалось прочесть и мне из Фридиных рук) и который

Мне семнадцать лет. Я эвакуировалась из Москвы в сентябре 1941 года и живу в Ташкенте у родных. Учусь в университете на филологическом.

Поздней осенью я присутствовала на состоявшемся в зале Дома Красной Армии, при большом стечении интеллигенции, выступлении только что приехавшей группы москов-

К. ВИДРЕ ТАМ, В ТАШКЕНТЕ...

ских и ленинградских писателей вместе с узбекскими писателями и переводчиками.

Здесь я и увидела Анну Ахматову. Я знала на-

6/1989

ISSN 0130-741X

Л. ЧУКОВСКАЯ
Записки об
Анне Ахматовой

И. ГЕРАСИМОВ
Благие намерения
Рассказ

Нева

Г. ГАЛУШКО
Стихи

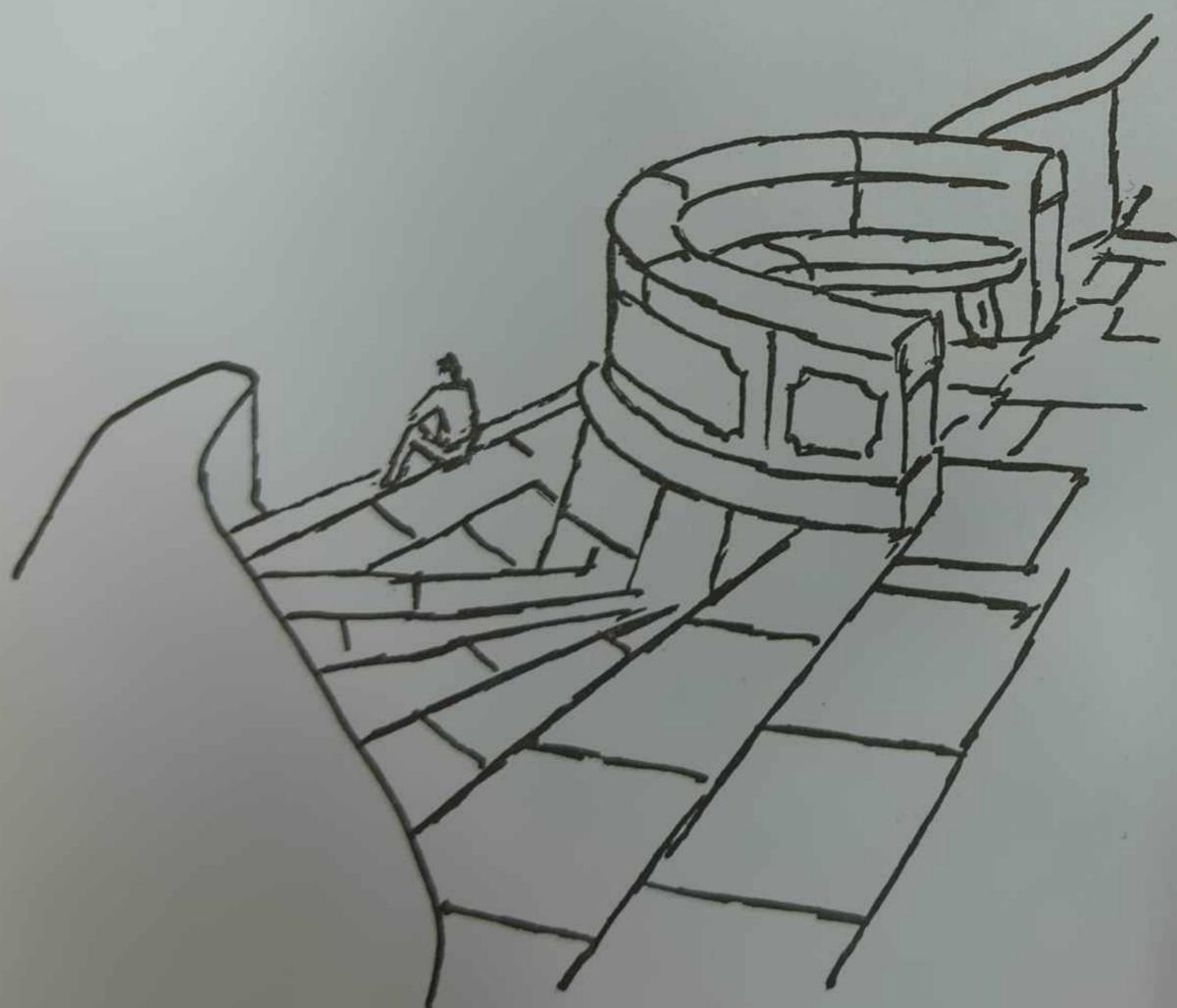
А. ЗЛОБИН
Демонтаж
Роман

Больные
настушки

Зак. 72, н 6

1989, н 6

НЕ ОБВИНЯТЬ!
Линей

«Июнь. Белая ночь над Невой»
Рис. Ю. Куликова

П 35
320

Ежемесячный
литературно-
художественный
и общественно-
политический
иллюстрированный
журнал

Орган
Союза
писателей
РСФСР
и Ленинградской
писательской
организации

Нева

6/1989

Выходит
с апреля
1955
года

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- Л. ЧУКОВСКАЯ. Записки об Анне Ахматовой 3
И. ГЕРАСИМОВ. Благие намерения. *Рассказ* 75
Т. ГАЛУШКО. Стихи. *Вступительное слово*
О. Таругина 96
А. ЗЛОБИН. Демонтаж. *Роман. Продолжение* 99
О. БЕШЕНКОВСКАЯ. Стихи 143

ИСКУССТВО

- С. МИХАЙЛОВСКИЙ. Н. Н. Пунин. Портрет
в супрематическом пространстве 145
Письма Ариадны Сергеевны ЭФРОН. *Оконча-*
ние. Составление, текстология и примечания
Р. Б. Вальбе 160

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛУБ «АЛЬТЕРНАТИВА»

- В. МАРИНИЧЕВ. На небе не найдешь следа 176

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДНЕВНИК

- В. ПОПОВ. «Состав земли не знает грязи...» 191

СЕДЬМАЯ ТЕТРАДЬ

- Народное мнение:
Вольные частушки. *Вступительное слово и*
публикация В. Бахтина 193

Ленинград
«Художественная
литература».
Ленинградское
отделение

КОНТРОЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

466